

Генрик Томашевский, театральный деятель (Польша):

«СОХРАНИТЬ МИР ДЛЯ БУДУЩЕГО»

На этом представлении забываешь о времени, потому что сам как бы становишься частицей его бездонных глубин со всем тем добрым и злым, прекрасным и уродливым, что сопутствует течению жизни. Я говорю о спектакле Вроцлавского театра пантомимы «Действо — Сон в летнюю ночь», созданным его основателем, директором и художественным руководителем Генриком Томашевским.

За тридцать с лишним лет театр обрел всемирную известность. Пожалуй, легче назвать те страны, где он не был, чем те, где обрел признание, призы и награды.

Но самыми почетными Генрик Томашевский считает две золотые медали, полученные на VI Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве в 1957 году.

— Причин для этого немало. Тогда еще вечное по сути искусство пантомимы на профессиональных сценах делало свои первые шаги, окрыленное поисками Марселя Марсо и Жана Луи Барро. И созданная мною студия пантомимы была по сути экспериментом и для меня, работающего в балете

Вроцлавского театра, и для тех, кто поверил в мою программу и решил связать с ней судьбу. Мы привезли тогда в Москву гоголевскую «Шинель», а сам я выступил в роли Акакия Акакиевича. Я хотел показать драму маленького человека, столкновение его скромной, но всепоглощающей мечты с жестокой прозой жизни.

Мною руководило не только сострадание к моему герою, но и стремление защитить достоинство человека, его право на жизнь, на собственную мечту. И я был счастлив, когда здесь, в Москве, сотни людей, до этого имевших самое отдаленное представление об искусстве пантомимы, поняли и приняли наш спектакль. Не говоря уже о том, что столь высокие награды помогли разрешить затянувшийся спор с теми, кто не верил в нашу студию, и она получила статус официального театра...

— И вот тридцать лет спустя вы снова в Москве и играете Шекспира. Ваша авторская вариация переносит героев «Сна в летнюю ночь» Титанию и Оберона в сегодняшнюю действительность. Мы как бы их глазами заново смотрим на мир и видим, какие жестокие потери он претерпел, нарушив гармонию с природой, утратив мно-

гие нравственные ориентиры и прежде всего чистоту любви, незамутненность человеческих отношений корыстью, тщеславием, бездуховностью, способностью мечтать и творить Добро.

Я не стану подробно анализировать спектакль — это делают знатоки пантомимы. Скажу лишь как зритель, несколько сотен которых сидели в зале, что мне было больно видеть одиночество Оберона, которому изменило его волшебство. С ужасом видит он алчную толпу, вихляющуюся в ритмах и грохоте музыки, из-за которой уже не слышно ни пения птиц, ни шума деревьев, ни серебряной песни плещущего чистого ручья. Да, впрочем, где все это? Деревья-люди умирают на наших глазах, отравленные ядом и угаром, уничтоженные лихим лесорубом. А вместе с лесом умирает и весь его мир. И вот уже в финальной сцене, решенной в яркой, многоцветной, острогротесковой манере, мы видим коллективную свадьбу сегодняшнего дня, которая проходит в мире, где не осталось ничего живого: бабочки — только в коллени, нанизанные на иглы, растения — в гербарии, кабаны, сокол, огромная черепаха — все это чучела и пустой панцирь. Даже цветы у невест искусственные. Так же как искусственны их представления о любви, радости, жизненном успехе. Какой-то шабаш разгулявшегося мещанства, способного ради сиюминутного удовольствия или благополучия позабыть обо всем, без чего не может жить мир.

Увы! Даже Титания попадает в яблочко «прогресса». А Оберон? Он один остается верен себе, с горечью глядя на

сытую, пьяную толпу, впавшую в сон Разума. Так и хочется крикнуть: «Не уходи, Оберон! Попробуй на нас, людях, свою волшебную силу еще раз!». Все это страшно и горько. Понятно, против чего вы сражаетесь своим спектаклем. А что все-таки в вас надежду?

— Но Оберон ведь не уходит. Он надевает панцирь и превращается в черепаху. Черепаха — одно из немногих живых существ — выдержала все катаклизмы, отпущенные тысячелетиями, и не изменилась. Значит, надежда еще есть.

Хотя меньше всего я хотел бы, чтобы мой спектакль отнесли в разряд зрелищ в защиту экологии. Сложными художественными средствами, неоднозначно я стремлюсь поднять главный вопрос: ради чего человек оторвался от природы, изменил вечным ценностям, посягнув на святое место — лес и все живое? И тут Шекспир со своим гуманистичным видением мира, высокими страстями, гимном Любви, всепобеждающей и исцеляющей мир, удивительно современен. Как бы критически ни относился я к современной жизни, во всех моих спектаклях всегда есть сцена, пронизанная светом, красо-

той, надеждой. Здесь — это воспоминание Оберона. Возможно, для меня это своего рода воспоминание о будущем...

А потом, если говорить об оптимизме спектакля, то он заложен не только в сюжете, но и в средствах его выражения. Ведь жизнь — это движение. И когда человек смотрит пантомиму и зрелище захватывает его, то в идеале он, воспринимая увиденное, повторяет его душой, мыслью. Происходит некий духовный процесс, а это само по себе оптимистично. Я глубоко убежден, что дух заложен в каждом человеке, только не у всех он проснулся. Его можно и нужно будить. Но это, конечно, огромная работа. Я всегда спрашиваю себя, как воспринимает люди разных поколений мой спектакль. Вот вы, например, что думаете по этому поводу?

— Мне кажется, каждое поколение найдет здесь что-то свое. Молодых привлекают буйство сценических красок, отточенность пластики, острота гротеска, тема вечной любви... А я и люди моего поколения, которым уже за сорок... По-моему, мы все чувствуем себя немножко Оберонами, много не понимаем в психологии и увлечени-

ях молодых, сожалеем, что не успели и не смогли преобразовать мир, не все для этого сделали, казнимся, что участвовали в разрушении гармонии человека и природы.

— Вот видите! Это самое главное. Именно то, ради чего я и работаю. Ради этого существует этот авторский театр: мои мечты, боль, терпение, радости, печали и надежды — все находит в нем свое воплощение. Пантомима, движение, красота и выразительные возможности человеческого тела — вот материал, из которого рождается наше искусство.

Тридцать один год я не видел московских зрителей. Все мы изменились. Очень рад, что мы по-прежнему понимаем друг друга. И потому, что язык жестов универсален и не нуждается в переводе. И, конечно же, прежде всего потому, что у нас общая забота и мечта: сохранить мир, его красоту и разумность для будущего. Что погибло — то погибло, но важно, чтобы уцелело оставшееся. И в стремлении к этому мы должны быть едины.

Беседу вела
Ирина ПИРОГОВА.

ОТ РЕДАКЦИИ

К сожалению, радость встречи Вроцлавского театра пантомимы с москвичами омрачил факт, который грозит, кажется, стать печальной закономерностью. Еще весной этого года при подписании договоренности о приезде в Москву театр был извещен, что труппа будет размещена в гостинице «Россия». Представьте себе состояние актеров, которых привезли ночью на ВДНХ, в гостиницу «Турист», и предложили поселиться... в неудобных номерах. Как тут не вспомнить, что и весной прошлого года для польского режиссера с мировым именем Юзефа Шайны в столице нашелся лишь убогий номер без удобств в гостинице «Останкино». Можно ли терпеть подобное отношение к творческим деятелям и коллективам братской страны, с которой к тому же нас связывает Декларация о сотрудничестве в области идеологии, науки и культуры? Где кроется тот механизм торможения, который так явно и в сущности безнаказанно вредит нашим международным связям?

Как сообщили нам в Госконцерте СССР, в данном случае «Турист» вместо «России» — такова была воля «всемогущего» отдела распределения управления высотных домов и гостиниц Моссовета.

— Благодарите, что хоть «Турист» получили, — заявили там на попытку одного из руководителей Госконцерта СССР исправить дело. Но помощь и обращение к заместителю пред-

седателя Моссовета тов. Жарову. Правда, на следующий день после вмешательства более высоких инстанций «нашлась» гостиница «Украина». Оказывается, что, даже когда говорят «нет», места все-таки есть.

Очень стыдно за некоторых ответственных лиц, считающих себя москвичами. И неужели всякий раз в подобной ситуации на столичных «гостиницедержателей» можно воздействовать только жестким нажимом? Что же, так и будем каждый раз доводить дело до скандала?

С этим вопросом мы обратились к заместителю министра культуры СССР П. И. Шабанову. Вот что он ответил:

— Казалось бы, в этом необходимости нет. 31 декабря 1987 года Совет Министров СССР издал постановление, согласно которому должны либо начать решаться, либо быть решены основные проблемы материально-технического обеспечения культурных связей СССР с зарубежными странами.

Там, в частности, предусмотрено за счет Министерства культуры СССР реконструировать и расширить гостиницу «Бухарест» (со строителем концертного зала) для размещения зарубежных артистов и делегаций деятелей культуры.

Но поскольку всем ясно, что реконструкция и тем более строительство — дело не одного года, а вопрос «остреет» с каждым днем, один

из пунктов постановления обязывает Мосгорисполком выделять места в гостиницах по заявкам Министерства культуры до завершения строительства «Бухареста».

Для подготовки технического задания по реконструкции и строительству необходимо согласие Моссовета, его поручение Главноархитектуре и Мосстрою, чтобы они взялись за проектирование и реконструкцию объекта.

До сих пор, несмотря на неоднократные письменные и устные обращения в Моссовет (в марте специально по этому вопросу министр культуры СССР В. Г. Захаров побывал у председателя Моссовета В. Т. Сайкина), необходимый ответ с поручениями так и не получен. Более того, воспользовавшись тем, что в постановлении Совмина СССР не названы оба корпуса «Бухареста», исполком Моссовета теперь поставил дело так, что речь будто бы идет только о передаче нам одного — меньшего корпуса на 130 мест (вместо 750), что, конечно, не решает проблемы. Наше очередное письмо В. Т. Сайкину от 4 июня 1987 года, в котором прилагается наш проект решения, где расписаны все функции заказчика и генподрядчика, передано на рассмотрение его заместителю В. А. Жарову, но ни ответа, ни каких-то реальных сдвигов по-прежнему нет. Что же касается пункта постановления о предоставлении зарубежным артистам мест в гостиницах, то управление высотных домов и гостиниц Мос-

горисполкома по-прежнему выделяет для иностранных деятелей культуры места в гостиницах, не соответствующих международному уровню комфортности.

История с Вроцлавским театром — это не случай, а «обычное дело». В сентябре, по заявкам Госконцерта СССР, предоставлены: Ансамбль старинной музыки из Франции — «Восход», эстрадным группам из ЧССР, ПНР и ГДР — «Киевская», ансамблю из Лаоса — «Байкал». Ну, словом, гостиницы, не выдерживающие критики.

Не говоря уже о наших коллективах, выезжающих через Москву на гастроли за рубеж. Их приходится расселять в подмосковных общежитиях, а летом — даже в палатках спортивных городков. Судите сами, с каким «душевным подъемом» отправляются они за границу защищать честь советского искусства.

Наш разговор с ответственными работниками Министерства культуры СССР и Госконцерта СССР был обстоятельным и позволяет утверждать: никаких перемен не произойдет до тех пор, пока руководители Моссовета будут считать себя вправе игнорировать постановление Совета Министров СССР, а развитие международных культурных связей и сопутствующие этому на данный момент удары по престижу нашей страны относить лишь к «внутренним» проблемам Министерства культуры СССР.